

Сергей Нефёдов

Лунная походка
Избранное

Издательство Игоря Розина
2007

УДК 882-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Н 58

Составление и послесловие

Николая Болдырева

В оформлении использованы живопись и графика

Сергея Нефёдова

Нефёдов С.М.
Н 58 Лунная походка. Избранная проза.– Челябинск: Издательство Игоря
Розина, 2007. – 288 с.: ил.

УДК 882-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-9900697-7-0

© Издательство Игоря Розина, 2007
© Текст – Сергей Нефёдов, 2007
© Дизайн – Владислав Кузавский, 2007

От составителя

Сергей Нефёдов живописец. Чувство холста придает ему жизненное равновесие. А еще он любит забраться в ванную и сочинять истории. Эти истории о прошлом, потому что он любит мечтать о нем. Почему о прошлом? Не только потому, что в прошлом заключено и наше будущее и настоящее, но еще и потому, что «в прошлом деревья были другими» и мир мерцал словно выложенный цветными драгоценными камешками. Мы приходим к осознанию себя — из прошлого. Но в этом прошлом мы были детьми и не задумывались о своем блаженстве, тем более о его тайне.

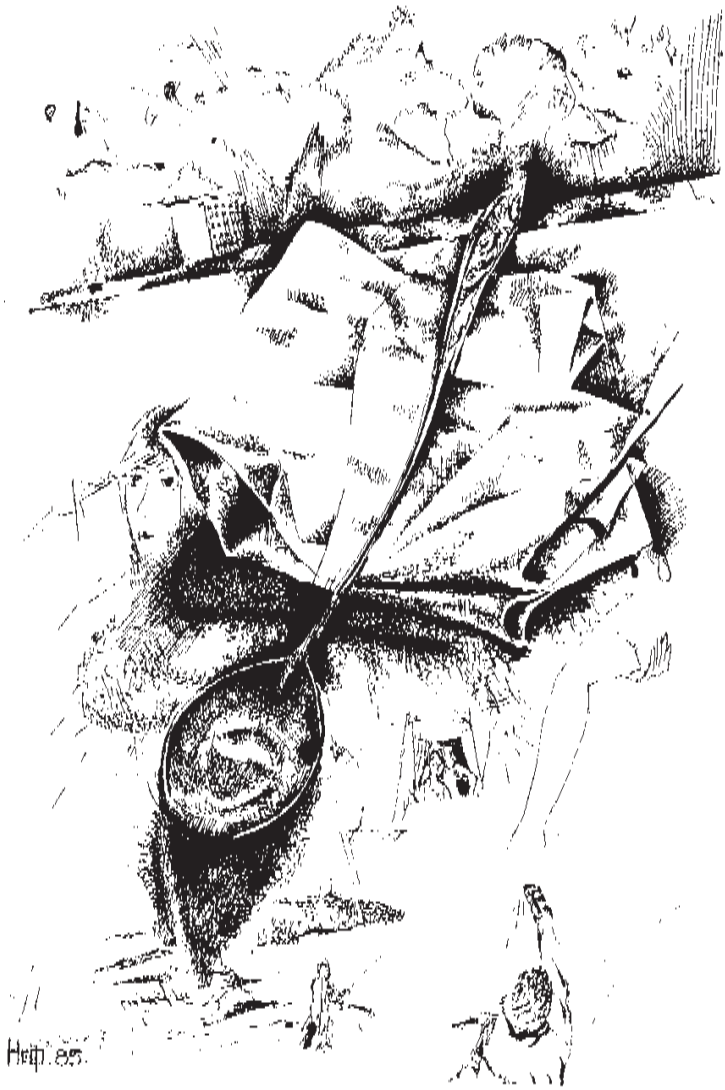
Впрочем, один раз автор этой книги мечтает о будущем: о необыкновенной лестнице, по которой можно взобраться на небо, где тебя ждут в прекрасном городе твои тайные друзья. Но эту лестницу надо смастерить самому.

Как сказал издатель этого необыкновенного сборника новелл, не стоит дополнительно подсвечивать осколок стекла или озерную гладь, на которые падает лунный луч: чудесное мерцание исчезнет. Он сказал это в том смысле, что не следует выкатывать тяжелых орудий литературного и иного глубокомыслия по поводу

легких и изящных «статуэток» нефедовской прозы. Свет софитов уьет лунный луч. Вполне согласен: рассказы и миниатюры, собранные под этой обложкой, едва ли нуждаются в комментариях, как не нуждается в комментариях маленький мальчик, увидевший во сне волшебную девочку, а потом, через много лет, узнавший ее в фойе оперного театра. Вполне достаточными комментариями стали рисунки автора, которыми составитель и издатель (с помощью художественного редактора) проложили книгу. Такими рисунками автор неизменно, в течение многих-многих лет, инстинктивно оснащал поля своих рукописей.

Итак, никаких орудий, никаких софитов: пусть свет лунных мерцаний струится сам по себе, без всяких подсветок. Пусть исповедальное признание сменяется буффонадой и иронией, а страшная история убийства, увиденного тремя разными людьми, абсолютно по-разному ими пересказанная (чувствуется легкое дуновение от Акутагавы), сменяется джазовыми импровизациями, а потом переходит в тихий народный напев, где сливаются воедино таинственное блаженство жизни, тоска и душевная боль.

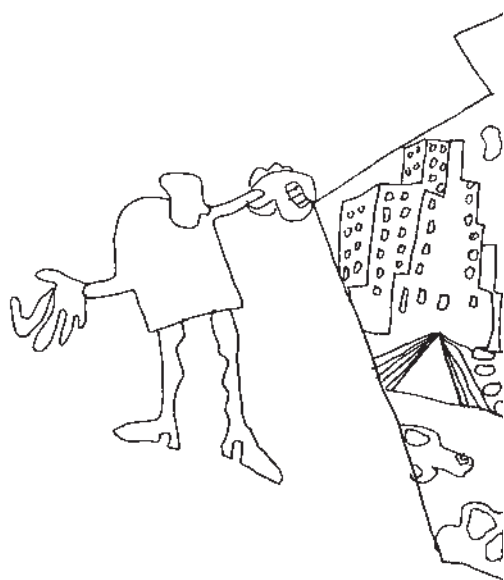

Heip. 85.

Сергей Нефёдов

ЛУННАЯ ПОХОДКА
ИЗБРАННОЕ

Друзьям по литературно-философской стезе
посвящает автор эту книгу

I

СИНЯЯ РОЗА

Синяя роза

Если б можно было вспомнить весь сон, повторявшийся в последнее время, то, возможно, Павел Андреич обрел бы тогда утраченное душевное равновесие. Сон состоял из какой-то песни, слов которой нельзя было разобрать полностью, а лишь урывками — Александровский централ и еще несколько имен, из которых запомнились Катя-Катерина да, пожалуй, пустая и пошленькая фраза про трусы. Отмести, забыть, но в свете как раз недавно прошедшей передачи про семь параллельных миров — из них первый, астральный, почему-то как матрешка делился на последующие шесть, затем ментальный как наиболее устроенный, не такой зыбкий, как астральный, и с примерами из жизни некоего Калугина, — всё для Павла Андреича приобретало ценность. Впрочем, более чем скромное сновиденье пролетало и по пробуждении лишь на короткое время оставляло не занятым место в душе, после чего с новой яростью туда вгрызались: люстра, комод, пол, потолок, стены и окна и

вытесняли всё. Стены не обещали ничего, напротив, угрожали раздавить, уничтожить, стереть в пыль. Как страшные монументы из аляповатого бетона, они напирали, они орали о полной безнадежности любых порывов.

Как-то после работы прилег он и в сумерках лежал на боку, когда прямо перед ним на стене появилась ярко-синяя роза, она медленно совершила круг и плавно растворилась, чтоб появиться опять в ярком сиянии и опять плавно прокрутиться; красоты необычайной. Затем Павлу Андреичу открылся как бы экран, и увидел он деревья с шевелящейся под ветром листвой, очень красивые, чем-то похожие на пальмы, но не пальмы. Картинка сменилась на водный простор, и над переливающейся отсветами водной гладью высоко в воздухе плыли фрегаты, и было видно каждого из экипажа отчетливо, потом предстали воины из золота, каждый с копьем. По одному появляясь, они вытянулись в шеренгу, он насчитал их 154, в спокойном молчании они несли охрану. На этом видение прекратилось.

А потом Павел Андреич увидел ясно — была детская горка с девочкой, сидевшей на вершине ее гладкой железной поверхности и поющей свою песню. И песня казалась такой знакомой, он слушал ее как нечто невероятно важное, и через эту песню, с ее мелодией, от которой так хотелось плакать, ему открывалась какая-то великая прекрасная тайна.

— Иди ко мне, — пригласила его девочка.

— А как же люстра, комод, газовая плита и стены с окнами?

— Это тебе все приснилось, — сказала, звонко смеясь, девочка.

Они сидели на вершине детской горки и, беззаботно болтая ногами, пели эту объединяющую их песню. И Павел Андреич, ощущая себя счастливейшим на свете человеком, забыл о своих пятидесяти прожитых в городе годах, где было всё кроме песни.

— Ты будешь ко мне приходить? Мы с тобой не расстанемся?

Маргарита и инвалид

Маргарита любила дождь. Маргариту любил инвалид. И когда она выходила под дождь, инвалид выкатывал в кресле-каталке. Шел дождь, то там, то тут трогая чуть пожелтые листья. Прилетела синичка и, передернув подмокшие перья, клюнула раз, другой крошки оброненного кекса. Лишь бы дождь не тянулся подолгу. Ты опять не ответила на письмо. Я не люблю писать писем. А почему трубку не берешь? Так. И весь разговор исчерпан. Лишь бы дождь продолжался до вечера. Он остужает, успокаивает и навевает. Знаешь, когда я был здоровым, я любил гонять под дождем на велике. Тогда была другая жизнь, все было по-другому. Ей хотелось сказать: ну и живи, оставайся там, в своей комсомолии, поднимай целину, борозди космические просторы театральных подмостков. Но вместо этого она поддела подлетевший листок своей стройной ножкой, и листок прилип к туфельке, как украшение.

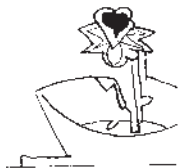
Поди много девушек у тебя было? Много, не много, — инвалид оживился, — но одна была. Как ее звали? Звали ее обыкновенно — Валерия. Ну расскажи, что ли, как ты с ней познакомился. Вот сейчас он начнет врать, что она его полюбила с первого взгляда и они дрожали по подъездам. Видишь ли, Маргарита, есть вещи, о которых не принято распространяться, они от этого портятся, тускнеют, теряют свой неповторимый аромат. Аромат? Это интересно. Маргарита нагнулась и, отклеив листок, пустила его в зеркальную

лужу. Кааааар! — прокричала ворона. Не знаю. Аромат, не аромат, с каким-то определенным запахом это связать, пожалуй, затруднительно. Вот как пахнет дождь? Причем здесь дождь и девушка? Не скажи. Инвалид закурил, пальцы у него задрожали. Наверно вы читали друг другу стихи? Ей показалось смешным, парень с девушкой читают стихи, как в театре, со сцены со спецэффектами, она искусственно взволнованна, и он притворно восклицает, и вся эта буффонада предназначена, чтоб достать зрителя, сделать ему праздник. И какой-то неуловимый жест девушки-артистки с ногами манекенщицы вдруг донесся, как свежестью дохнуло из окна. Тембр голоса, вот что выдало инвалида. И чем же все это кончилось? А чем кончается дождь? Так для чего все это? Ну, вот и дождь прошел. Да, кажется, кончился. Слышишь, пахнет электричеством? Это от молнии.

Маргарита, привет! Из красной «альфа-romeo» показался улыбающийся молодой человек в длинном светлом плаще, с сережкой в левом ухе и несколькими фигурными проборами на коротко стриженной голове. Из открытой дверцы машины звучала прям волшебная музыка да и только. Медленно Маргарита грациозной походкой подошла и что-то сказала такому оживленному хозяину иномарки. Улыбка исчезла с его лица: «Ну как знаешь». Машина стремительно тронулась, завизжав на повороте.

— О чем вы с ним беседовали?

— Да так.

Принц Чича

Часть I

Как-то старший сын соседского деда Афанасия, пообедав у матушки, пригласил меня покататься с ним на грузовике, и я, так как поблизости бабушки моей не было — она разговаривала с соседками через два дома, сидя на лавочке, а предложение было просто головокружительным, — вскарабкался к Гене на сиденье, бабушка всплеснула руками, и мы помчались, резко сорвавшись с места. Вот наш поселок замелькал скворечниками, всполошенными курами, пацанами, завистливо глядящими нам вслед и сладко вдыхающими бензиновый аромат; разлапистые тополя, расцветшие рябины, оконца домов с преломленным бегущим в догонялки солнцем. Мы мчались по городу, где я был лишь в сопровождении мамы или папы, для покупки мне, например, новой фуражки или игрушки — жестяной бабочки ультрамарин, которую толкаешь впереди на палочке на колесах и она машет крыльями. Меня вечно било током от дверей троллейбуса, неприятная, доложу вам, штука, когда тебе пора уже в школу, а ты... Открылся простор, дома нарастали и проносились мимо, мы отражались — мелькали в витринах, играло радио, духовой оркестр проезжал, отставая от нас, в открытом трамвае, сверкали трубы, звенели тарелки и гулко бухал барабан.

Мы обогнали «Победу», и я показал пацану в очках язык, а он обиженно отвернулся. Скатились с берега и остановились у переливающейся светом речки, чтоб зачерпнуть резиновым ведром воды — я уже разбирался в технике — чтоб залить в карбюратор. И дальше, дальше, дорога сменилась пыльной, мы стали под экскаватор и нас загрузили: наша машина, я ошибся, что поделаешь, самосвал, и загруженная перла теперь совсем не так. У киоска Гена остановился и, хлопнув дверцей, пошел, я сидел у приоткрытого окна и пялился в лужи с перемигивающимися бликами, Гена принес бутылку малиновой газировки и пирожки в промасленной бумаге, пирожки оказались с ненавистой квашеной капустой, их очень любила бабушка и пичкала меня ими, когда ходили мы с ней, например, в переполненную церковь, где я ничего не видел, кроме спин дядек и теток, вплотную стоящих, и поблескивающих одежаниями священников, лишь изредка виднеющихся из-за толпы. Не подав виду, я мужественно съел пирожок и постарался осушить бутылку, от газировки щипало в носу, наворачивались слезы, она отрыгивалась, пенилась, вкуснотища жуткая! Но в машине трясло, и я, так и не одолев ее, облился немного, передал Гене, тот вмиг выпил и выбросил пустую в кусты.

Потом я оказался на коленях у одетой во все светлое, яркое, праздничное, весело смеющейся девушки, от которой пахло красивыми духами и еще чем-то, чем пахло от мамы, приходящей с работы, где она точила катушки, которых у меня была вязанка, текстолит, как я узнал позже. Как бублики. Бублики! Я ничего не знал вкуснее, заходишь в магазин — запах сказочный, они висят розовые, с маком, с ванилью, желтые, слюнки текут.

Девушка непрестанно улыбалась Гене, а Гена, со сдвинутыми бровями, курил, смотрел вперед, жал на газ, иногда оборачивался и тоже улыбался ей, блестя стальными фиксами по бокам рта. Нас то и дело подкидывало, и я со смущением чувствовал своей спиной ее мягкие и упругие груди. Затем зарулили на новостройку, девушка

подхватила меня, и мы оказались в комнате, поразившей обилием света: здесь все было свежeweыбелено, свет лез, как сено, пучками и устилал пол, отдающий масляной краской, такие широкие окна, такие рамы, не то что в нашем домике со ставнями.

Ночью от непривычной обстановки я разрыдался, девушка в розовой комбинации с кружевами и просвечивающими белыми в голубой горох трусиками напоила меня чаем, посадив к себе на колени, угощала блинами, макая их в сгущенку. Из прихожей несло Гениной спецовкой, пропахшей соляркой.

Во сне мне приснился медведь, и я опять проснулся и заревел от того, что мама, и папа, и бабушка далеко, а я здесь один, а они — Гена и Даша — скрипят кроватью в полосах лунного света, и страшно в темноте. Мы снова сидели с Дашей на кухне, она ничуть не показывала вида, что я их умаял, от нее пахло уже не одними духами, но и бензиновым Геной, она кормила меня арбузом, елыпалы, поливая его медом, смотри не описайся, горшок под кроватью, да что я, маленький что ли. Она читала мне сказку по откуда-то взявшейся книжке с картинками про Машу и медведя, а я объедался арбузом, прижимался к ее теплой груди, мне нравилась Даша, почти как моя мама. Проснувшись, я нашарил под кроватью горшок, пожурчал, тихо закрыл крышкой и хотел было уже лечь спать, но в тишине бродили полосы лунного света, раскатившись по полу, по спавшим Гене и Даше в обнимку со сползшим одеялом, и я бродил по кажущимся мягкими и живыми полосам лунного света. Потом мое внимание приковал то ли игрушечный, то ли настоящий мальчик — принц с чалмой на голове и пером, и острыми башмачками, он сидел и смотрел на меня с буфета, как живой, в шелковых шароварах. Он сказал:

— Не бойся, пойдем со мной, там нам будет интересно и хорошо!

Спрыгнув бесшумно с буфета, тихо открыл дверцу, чуть скрипнувшую, и широким жестом пригласил меня следовать за собой! Там мерцал потайной ход; чтоб войти за ним, надо было

нагнуться, потом открывался широкий темный коридор, освещенный свечами в руках у слуг, каждый раз кланяющихся нам. На троне, к которому мы подошли, сидела девочка с пышными бантами, с руки на руку она перекидывала легкий, словно воздушный, шар, наполненный плавающими в нем сверкающими рыбками и звездами, судя по всему, он был мягкий, и мне захотелось тоже с ним поиграть.

— А можно я тоже, мне хочется поиграть, как вы?

— Пожалуйста, мальчик, но у вас вряд ли выйдет.

И действительно, стоило мне попробовать прикоснуться к податливой поверхности предложенного мне шара, как он вмиг рассыпался на мелкие брызги, и рыбки застучали хвостиками об пол. Принц улыбнулся и своим скипетром коснулся лужи брызг, раскатившейся под ноги, и все брызги, как намагниченные, словно шарики ртути, скатились в один переливающийся и точно переполняющий сам себя шар. Шар подскочил опять, как надувной, до потолка, где пищали птицы, пару раз отскочил от стен и снова очутился в руках у девочки с пышными белыми бантами. Она протянула мне, словно утешительный приз, взяв с поднесенного слугой блюдечка, переливающееся всеми цветами радуги эскимо, которое я откусил, но не почувствовал привычного холода во рту; должно быть у меня был глупый вид, в зеркале, стоящем сбоку, девочка и принц улыбались, глядя на меня, а я замер с открытым ртом, из которого светился кусочек радужного эскимо. Девочка захлопала в ладоши и звонко воскликнула: «Чича! Чича!»

С потолка по свесившейся лиане спустилась лохматая, большая, но совсем не страшная обезьяна с забавными большими глазами.

— Не бойтесь, мальчик, ничего худого она вам не сделает.

— Да я и не боюсь,— смело заявил я, погладив обезьяну по пушистой шерсти.

— Вот и отлично. Чича, проводи мальчика до их папы. Мальчик, садитесь на нее, только держитесь крепче, когда вам покажется

страшно — закройте глаза и прижмитесь к ней сильнее. Чича наш друг. Ну же, вперед,— скомандовала девочка, указывая направление своей девчоночьей рукой с тонким браслетиком на запястье из разноцветных бусинок. Я схватился за шерсть обезьяны одной рукой и обнял ее ногами, в другой руке держа эскимо, как фонарик. Я оглянулся на принца и девочку с бантами и сердце мое сжалось от грустной, как мне показалось, улыбки девочки, мне на прощанье. Очень, очень красивой девочки, грустной улыбки, но совсем, совсем не безнадежной.

— Прощай, принц, прощайте, прекрасная девочка.

— Адъё!

И они помахали мне на прощанье рукой, девочка послала мне воздушный поцелуй, я было тоже ответил ей, но руки мои были заняты. Мы снялись с места, обезьяна мягкими, крупными прыжками помчалась по стенам, поднимаясь все выше и выше, как мотогощик в цирке, пока не открылось небо в алмазах звезд, и мы выскользнули из комнаты, оставив девочку с лицом, казалось, на всю жизнь мне запомнившимся, и это было так на самом деле. Мы вылетели в ночной город, с нами летела стая щебечущих птиц, а город с фонарями, мостом, серебрящейся рекой медленно поплыл вниз.

Мы огибали остроконечную башню, где на маленьком балкончике сидел на табуретке старичок с трубкой, дымящей кольцами дыма, в руках его была книга, и когда мы поравнялись с ним, она сама собой открылась на нужной странице, и старичок, поправив очки на носу, прочел: «И будет так, что ты будешь виноват, но вина твоя будет согревать тебя в дни ненастья». Книга захлопнулась, он помахал нам дымящейся трубкой.

И мы пошли курсом вдоль длинного ряда окон высотного дома, некоторые из окон были раскрыты, зажжен свет, и я видел: дети спали, а взрослые что-то приглушенно и возбужденно говорили друг другу, перекладывая чашки, тарелки, вешая галстуки и чулки на спинки стульев, платья, рубашки, костюмы на вешалки, то откры-

вая, то снова запирая шифоньеры, комоды, откуда то и дело летела моль, которую они ловили, хлопая в ладоши и шикая друг на друга, указывая на детей, подсыпали нафталин в кулечки, рассовывая по углам и чихая...

Прямо передо мной возник мальчик с натянутой рогаткой, нацеленной в упор, я его узнал, это был Петька — двоечник и второ­го­дник, пацаны его боялись, потому что он где-то на химвоен­складе стибрил чего-то такого, что летело из рогатки, горело и взрывалось, так что не слишком-то приятно мне светило прямо в лоб, я зажмурился — бабах! тарарах!..

Я открыл глаза, передо мной стоял мой папа, он помог мне слезть с машины. Папа повел меня молча, что не предвещало ничего хорошего.

— Ты почему не сказал бабушке, что поехал с Геной, мы тебя потеряли, ты будешь наказан.

Папа не допускал никакого нытья, не то что мама. Мы проходили мимо кафетерия, где в витрине сидел большой плюшевый мишка, чем-то напоминающий Чичу. Он медленно с урчаньем поднимал двумя лапами стакан с медом, открывал розовую зубатую пасть и выпивал мед, медленно опуская на колени пустой стакан, который сам собой снова наполнялся медом, и процедура повторялась. Лапы с черными внушительными когтями и лакомый стакан. Мишка покосился на меня, какие длинные ресницы, прямо как у той девочки! И тут мне стало безутешно жаль, что никогда-никогда ее больше не увидеть. Слезы сами собой побежали по щекам, я их вытирал кулаком с зажатой палочкой от эскимо, ее я положил на траву, оглянулся, какая-то птица мелькнула в ветвях и палочки от волшебного эскимо и след простыл. Мы зашли в кафетерий «Заводной Мишка», и папа заказал две порции мороженого, ну, вот сейчас, чтоб наказать меня, он съест все один. Но он протянул порцию с белыми шариками, облитыми медом, мне. Нет, ничто на свете уже не могло утешить мою истерзанную душу, хотя, конечно, мороже-

